

носился удар по сентименталистской универсализации «чувства» (ср.: «человек везде человек»).

Другая важнейшая сторона рассуждений Морица состояла в постановке проблемы истины и вымысла не в традиционном их разграничении, а применительно к мифологии, в их взаимосвязи и взаимообусловленности. «Смешение истинного с вымыслом в древнейшей истории, — писал Мориц, — есть для глаз наших мерцающий горизонт. Если хотим мы, чтобы в сем отдалении когда-нибудь воссияла нам новая заря, то должно разбивать прилежно и тщательно все мифологические вымыслы, чтобы найти нить их сплетений и преданий». Через два десятилетия Карамзин почти дословно воспроизведет эти слова, которые станут для него программными: «Прилежно *истощая* материалы древнейшей российской истории, я ободрял себя мыслию, что в повествовании о временах отдаленных есть какая-то неизъяснимая прелесть для нашего воображения: там источники поэзии! Взор шаг в созерцании великого пространства не стремится ли обыкновенно — мимо всего близкого, ясного, — к концу горизонта, где густеют, меркнут тени и начинается непроницаемость?»⁷

Исторический принцип мышления, все более укрепившийся в размышлениях о судьбах государств и наций и о судьбах отдельного человека, вовлеченного в водоворот жизни, становится определяющим в мировоззрении и творчестве Карамзина. Этот принцип не только не разделяет его художественную прозу и «Историю государства Российского», но, напротив, позволяет выявить некоторые структурно-типологические явления, принципиально сближающие эти, казалось бы, различные по своей жанровой природе произведения. Процесс пересечения апалитического строя мысли и образно-эмоционального начала наблюдался в прозе, критике и публицистике 1790-х гг. Процесс этот был в какой-то степени стихийным. Французская революция ускорила созревание «философского разума»,⁸ потребовав от мыслящих людей эпохи дать оценку не только происходящего на их глазах события, но и века Просвещения в целом, уяснить его итоги, познать его заблуждения. Именно в размышлениях о революции, ее теории и конкретном воплощении принципов просветительской философии на первый план выдвинулась категория, ранее осознававшаяся скорее интуитивно, преломлявшаяся сквозь призму эстетического восприятия мира, — категория исторической необходимости.

* * *

Признание неизбежности совершившейся во Франции революции, всех ее перипетий вовсе не означало для Карамзина принятия революционной тактики. Более того, в 1800-е гг. эти понятия

⁷ Карамзин Н. М. История государства Российского. 2-е изд. СПб., 1818, т. 1, с. XXIII.

⁸ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 23.